

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА

На правах рукописи

Налбандян Карпет Севанович

Особенности политики Турции на Южном Кавказе

Специальность: 5.5.4. Международные отношения,
глобальные и региональные исследования

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата политических наук

Москва — 2026

Диссертация подготовлена на кафедре глобалистики факультета глобальных процессов МГУ имени М.В.Ломоносова.

Научный руководитель – *Леонова Ольга Георгиевна* –
доктор политических наук, доцент

Официальные оппоненты – *Аватков Владимир Алексеевич*,
доктор политических наук, доцент
заведующий отделом Ближнего и Постсоветского Востока
Института научной информации по общественным наукам
Российской академии наук

Крылов Александр Борисович,
доктор исторических наук,
главный научный сотрудник сектора Кавказа Центра
постсоветских исследований
Института мировой экономики и международных
отношений имени Е.М. Примакова
Российской академии наук

Маркедонов Сергей Мирославович,
кандидат исторических наук,
ведущий научный сотрудник Института международных
исследований Московского государственного института
международных отношений (университета)
Министерства иностранных дел Российской Федерации

Защита диссертации состоится «26» февраля 2026 г. в 14 часов 00 минут на заседании диссертационного совета МГУ.054.1 Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова по адресу: 119234, Ленинские горы, д. 1, стр. 13А, ауд. 632.

E-mail: alekseenkooa@my.msu.ru; dissovet.msu@mail.ru

С диссертацией можно ознакомиться в отделе диссертаций научной библиотеки МГУ имени М.В. Ломоносова (Ломоносовский просп., д. 27), а также на сайте: <https://dissovet.msu.ru/dissertation/3746>

Автореферат разослан «__» января 2026 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета МГУ.054.1,
кандидат политических наук

О.А. Алексеенко

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы. Турецкая республика занимает важное место в современной системе международных отношений: ее геополитические амбиции охватывают сразу несколько «сложных» регионов мира – Ближний Восток, Африку, Балканы, Южный Кавказ, Центральную Азию и др. Для России Турция является классическим примером «государства-предопределения», с которым приходится быть *вместе*, причем вне зависимости от контекста такого взаимодействия – мирным, конструктивным или же конфликтным¹. История российско-турецких отношений знает периоды как ожесточенных войн, так и мирного взаимовыгодного сотрудничества.

Для отечественного исследователя важность обращения к проблематике отношений Турции со странами Южного Кавказа актуальна по ряду соображений. Первое – это наличие тесных исторических связей, продолжающих играть важную роль в межгосударственных отношениях. Второе – экономические связи, заинтересованность России в безопасном и стабильном развитии стран Южного Кавказа. Третье – вовлеченность России в региональные проблемы безопасности. Четвертое – возрастающая активность внерегиональных акторов, в первую очередь Турции, создает новую динамику в регионе, что требует постоянного мониторинга и анализа. Пятое – энергетическая безопасность и транспортные коридоры Южного Кавказа как стратегически важные факторы для России. Шестое – внутривнутриполитические процессы в странах Южного Кавказа, непосредственно влияющих на их внешнеполитический курс и на отношения с Россией. Наконец, в современных условиях Турция выступает в качестве важного партнера для России во многих сферах, особенно в условиях санкций. В то же время, усиление позиций Турции может входить в противоречие с национальными интересами России в данном регионе. Как следствие, исследование складывающихся на Южном Кавказе

¹ Аватков В.А. Государство-предопределение: государство мира или войны? // Право и политика. 2019. № 5. С. 19.

международных связей – это важная научно-теоретическая задача с точки зрения национальной безопасности Российской Федерации.

Степень научной разработанности темы исследования. Изучение политики Турции на Южном Кавказе привлекает значительное внимание российских и зарубежных исследователей. Проблематика данного исследования затрагивает различные аспекты турецкой внешнеполитической стратегии, её идеологического обоснования, а также двусторонних и многосторонних отношений Турции со странами региона.

Концептуальные основы внешней политики Турции детально исследованы в работах, посвященных идеологическим доктринам «стратегической глубины» и «неоосманизма». Фундаментальный труд А. Давутоглу «Stratejik Derinlik: Türkiye'nin Uluslararası Konumu» (2001)² заложил теоретическую основу современной внешней политики Турции. Данная концепция получила развитие в исследованиях Х. Кесебалабана³, В.А. Аваткова⁴, В.А. Надеина-Раевского⁵ и других ученых. Трансформация внешнеполитической стратегии Турции от «политики нулевых проблем с соседями» к более активной и многовекторной политике рассмотрена в работах М. Йешилташа⁶, Э.Т. Мехдиева⁷, Р.И. Гузаерова и Б.Г. Ахметкаримова⁸. Анализ влияния идеологических факторов на формирование турецкой внешней политики представлен в исследовании С.А. Кука⁹.

² Davutoğlu A. ««Stratejik Derinlik: Türkiye'nin Uluslararası Konumu». Istanbul : Küre Yayınları, Ağustos 2009. – 584 s.

³ Kösebalaban H. Ahmet Davutoglu, Stratejik Derinlik. Kitap de erlendirmesi // Divan Journal of Interdisciplinary Studies. 2003. №1. S. 213-215.

⁴ Аватков В.А. Неоосманизм. Базовая идеологема и геостратегия Турции // Свободная мысль. 2014. №3 (1645). С. 71-78; Аватков В.А. Внешнеполитическая линия Турецкой Республики в отношении стран Закавказья в контексте внешнеполитической идеологии Турции // Ежегодник ИМИ. 2014. №2. С. 13-22.

⁵ Надеин-Раевский В.А. Внешняя политика Турции: ветры перемен // Мировая экономика и международные отношения. 2013. №2. С. 84-92; Надеин-Раевский В.А. Поиск новой идентичности и внешняя политика Турции. М.: Российский Совет по международным делам, 2016. – 7 с.

⁶ Yeşiltaş M. The transformation of the geopolitical vision in Turkish foreign policy. // Turkish Studies. 2013. Vol. 14. №4. P. 661-686.

⁷ Мехдиев Э.Т. «Неоосманизм» в региональной политике Турции // Вестник МГИМО. 2016. №2 (47). С. 32-39.

⁸ Гузаеров Р.И., Ахметкаримов Б.Г. Проявление идеологического фактора во внешней политике Турции // Казанский вестник молодых ученых. 2020. №3. С. 46-51.

⁹ Cook S.A. What Does Turkey Actually Want? [Electronic source]. URL: <https://foreignpolicy.com/2023/07/26/turkey-erdogan-nato-eu-sweden-future-goals-europe/> (accessed: 19.09.2023)

Идеология пантюркизма и её влияние на политику Турции в регионе рассматривается в трудах Я.М. Ландау¹⁰, А.С. Насибовой¹¹, Р. Терехова¹². Историческое развитие пантюркизма и его современные проявления анализируются в работах А. Вамбери¹³, В. Зареванда¹⁴, А. Мкртычана¹⁵. Современная интерпретация пантюркизма в контексте региональной политики Турции (в то числе, на Южном Кавказе) исследуется в публикациях Б.Д. Нуриева¹⁶, А.В. Белоглазова и Р.Н. Надырова¹⁷.

Двусторонние отношения Турции со странами Южного Кавказа составляют обширный пласт исследований. Турецко-азербайджанские отношения рассмотрены в работах Е.Ф. Парубочай¹⁸ и Я. Валчинкайи¹⁹. Турецко-грузинские отношения детально изучены в работах Л.М. Алексанян, Н. Гёксель²⁰, С. Хедлунда²¹. Комплексный анализ турецко-армянских отношений представлен в публикациях Д. Шахназаряна²², Б. Араса и Ф. Озбая²³.

Конкуренция Турции с Россией и Ираном за влияние на Южном Кавказе анализируется в работах М.А. Озена²⁴, М.Х. Заде²⁵. Взаимодействие России со

¹⁰ Landau Jakob M. Pan-Turkism. From Irredentism to Cooperation. // Hurst & Company. 1995. № 2. P. 121-146.

¹¹ Насибова А.С. Эволюция идей пантюркизма во внешней политике Турецкой Республики // Современные евразийские исследования. 2015. №3. С. 81-86.

¹² Терехов Р. Влияние идеологии пантюркизма на внешнюю политику Османской Империи и Турецкой республики в XX веке // Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, 2011. -26 с.

¹³ Вамбери А. Путешествие по Средней Азии. М.: Восточная литература, 2003. -319 с.

¹⁴ Зареванд. Турция и пантюранизм / Зареванд; введ. А. Н. Мандельштама. М.: Ключ-С, 2015. – 176 с.

¹⁵ Мкртычан А. Пантюркизм в геостратегии Турции на Кавказе как глобальная проблема в современных международных отношениях. Дисс. доктора полит. наук. М., 2003. – 451 с.

¹⁶ Нуриева К. А. Роль саммитов глав тюркоязычных государств в формировании концепции тюркского единения // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2011. №7. С. 1-3.

¹⁷ Белоглазов А. В., Надыров Р. Н. «Мягкая сила» Турции в Центральной Азии в конце XX-начале XXI в.: интеграционный потенциал // Манускрипт. 2021. Т.14. №.7. С. 1381-1385.

¹⁸ Парубочай Е.Ф. Сотрудничество Турции и Азербайджана в военной сфере в XX-XXI вв // Вестник ВолГУ. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2015. № 6 (36). С. 24-36.

¹⁹ Yalçinkaya H. Turkey's Overlooked Role in the Second Nagorno-Karabakh War // The German Marshall Fund of the United States, 2021. URL: <https://www.gmfus.org/news/turkeys-overlooked-role-second-nagorno-karabakh-war> (дата обращения: 14.08.2023).

²⁰ Göksel N. Turkey and Georgia: Zero Problems? // The German Marshall Fund of the United States, 2013.

²¹ Hedlund S. Georgia is slowly moving into Turkey's orbit [Electronic source]. URL: <https://www.gisreportsonline.com/r/turkey-influence-georgia/> (accessed: 30.09.2023).

²² Shahnazaryan D. Five Years After the Armenia-Turkey Protocols // Turkish Policy Quarterly. 2014. №3 (13). P. 352-368.

²³ Aras B., Ozbay F. Turkish-Armenian relations: Will football diplomacy work? // Today's Zaman/SETA Foundation for Political, Economic and Social Research URL: <https://iz.ru/1453231/igor-karmazin/blizost-na-rasstoianii-kak-armenii-i-turtcii-nalazhivaiut-otnosheniia> (дата обращения: 27.09.2023).

²⁴ Озен М.А. Стратегические интересы Запада, России, Турции, Ирана на Южном Кавказе в начале XXI в // Мировая политика. 2018. № 3. С. 33-42.

²⁵ Махир Халифа-Заде. Иран и борьба за влияние на Южном Кавказе // Центральная Азия и Кавказ. 2017. Т. 14. №1. С. 59-71.

странами региона и конкурентами исследуется в отдельных работах А.Б. Крылова²⁶. Энергетическое измерение региональной политики Турции рассмотрено в трудах Г. Винроу²⁷ и И.Г. Алиева²⁸.

Теоретические аспекты использования Турцией инструментов «мягкой силы» рассмотрены в работах М. Зейналова, М.А. Шпаковской и О.В. Барнашова²⁹. Практическое применение данной концепции проанализировано А.В. Енокяном и Д.В. Станисом³⁰. Культурные, образовательные и гуманитарные аспекты турецкой политики отражены в работах Е. Бахревского³¹.

Отдельный блок исследований представляют работы, в которых анализируется Нагорно-Карабахский конфликт и роль Турции в его динамике. Так, в работе П. Кедди³² анализируются позиция и участие Турции в конфликте. Особое внимание уделяется роли Турции во Второй карабахской войне в статье А.Г. Геворгяна с соавторами³³.

Несмотря на значительный объем научных исследований турецкой внешней политики, в существующей литературе остается ряд важных лакун. Во-первых, недостаточно изучены механизмы синхронизации различных идеологических течений в единой внешнеполитической стратегии Турции. Во-вторых, отсутствует комплексный анализ дифференцированного подхода Турции к различным странам региона. В-третьих, недостаточно исследованы процессы трансформации турецких внешнеполитических концепций от декларативного уровня к практической реализации. Наконец, в научной

²⁶ Крылов А.Б. Карабахский узел кавказской политики // Россия и новые государства Евразии. 2023. № 1 (58). С. 140-151; Крылов А.Б. Южный Кавказ: этапы постсоветской истории // Россия и новые государства Евразии. 2021. № 2 (51). С. 147-162.

²⁷ Winrow G. The Southern Gas Corridor and Turkey's Role as an Energy Transit State and Energy Hub // Insight Turkey. 2013. №1 (15). P. 313-322.

²⁸ Алиев И. Г. Каспийская нефть Азербайджана. М.: Известия, 2003. – 142 с.

²⁹ Шпаковская М.А., Барнашов О.В. Концепция неоосманизма как инструмент «мягкой силы» внешней политики Турции // Азия и Африка сегодня. 2018. № 2 (727). С. 30-36.

³⁰ Енокян А.В., Станис Д.В. Фактор политики «мягкой силы» в продвижении турецких интересов в Грузии // Постсоветские исследования. Т.5. № 8 (2022). С. 787-798.

³¹ Бахревский Е. Политика «нового османизма» Турции и постсоветское пространство / Регнум [Электронный ресурс]. URL: <https://regnum.ru/article/1467970> (дата обращения: 30.09.2023).

³² Keddie P. What's Turkey's Role in Nagorno-Karabakh conflict? // AlJazeera, 2020. URL: <https://www.aljazeera.com/features/2020/10/30/whats-turkeys-role-in-the-nagorno-karabakh-conflict> (дата обращения: 14.08.2023).

³³ Геворгян А.Г., Енокян А. В., Мелконян Л. А. Политика Турции и интересы России в Закавказье в начале XXI века // Вестник гуманитарного образования. 2020. № 3 (19). С. 72-84.

литературе практически отсутствует системный анализ того, как идеологические предпочтения турецкого руководства проецируются на конкретные инструменты влияния в отношении каждой отдельной страны региона. Настоящее исследование направлено на заполнение этих пробелов.

Цель исследования – выявить содержание и специфику внешней политики Турции на Южном Кавказе.

Для достижения этой цели в работе поставлены следующие **задачи**:

- установить концептуальные основы внешнеполитической идеологии Турции, их реализацию во внешней политике страны;
- оценить проявление идей пантюркизма и неоосманизма в концепции современной внешней политики Турции;
- определить место и роль стран Южного Кавказа во внешнеполитических приоритетах Турции;
- выявить элементы пантюркизма и неоосманизма Турции в ее политике по отношению к Азербайджану;
- обозначить элементы пантюркизма и неоосманизма во внешней политике Турции по отношению к Грузии;
- раскрыть содержание политики пантюркизма и неоосманизма Турции по отношению к Армении;
- показать общее и особенное в политике неоосманизма и пантюркизма Турции по отношению к странам Южного Кавказа.

Объект исследования – внешняя политика Турции на современном этапе.

Предмет исследования – особенности внешней политики Турции в регионе Южного Кавказа.

Хронологические рамки исследования охватывают период с 1991 г. по настоящее время. Нижняя граница обусловлена распадом СССР и обретением независимости странами Южного Кавказа; верхняя граница определяется современным этапом развития их отношений.

Гипотеза исследования: пантюркизм и неоосманизм являются важной частью внешней политики Турции на Южном Кавказе. По отношению к Азербайджану, Грузии и Армении данная политика характеризуется дифференцированным подходом, но имеет общую цель – укрепление региональных позиций Турции, обеспечение ее энергетической безопасности, ограничение влияния других региональных игроков (прежде всего России и Ирана) и создание интегрированного пространства с доминирующей ролью Анкары, что соответствует амбициям Турции как региональной державы с глобальными устремлениями.

Научная новизна исследования заключается в следующих аспектах:

1. На основе проведенного сравнительного анализа основных принципов пантюркизма, пантуранизма и неоосманизма установлены сходства и различия, внутренние взаимосвязи между этими феноменами.
2. Выявлено проявление идей пантюркизма и неоосманизма в современной внешней политике Турции.
3. Определены геополитические интересы Турции на Южном Кавказе, а также место и роль стран Южного Кавказа в ее внешнеполитических приоритетах.
4. Обоснована роль политики интеграции тюркоязычных народов в единую социокультурную общность и создания «тюркского мира» в регионе Южного Кавказа как механизма реализации стратегии пантюркизма и неоосманизма Турции.
5. Раскрыто содержание общей стратегии политики пантюркизма и неоосманизма во внешней политике Турции по отношению к странам Южного Кавказа.
6. Доказано, что тактика реализации политики Турции характеризуется дифференцированным подходом по отношению к странам Южного Кавказа (Азербайджану, Грузии и Армении).

Теоретическая значимость исследования заключается в систематизации и развитии теоретических представлений о внешнеполитической стратегии

Турции в отношении стран Южного Кавказа. Анализ эволюции концептуальных основ турецкой внешней политики от кемализма к неоосманизму позволил осуществить их проекцию на южно-кавказский регион. Разработана методология сравнительного анализа проявлений пантюркизма и неоосманизма во внешнеполитических подходах Турции к странам Южного Кавказа. Дополнены существующие научные представления о региональных стратегиях в условиях трансформирующегося мирового порядка. Выявленные в исследовании закономерности формирования и реализации дифференцированных подходов Турции к странам Южного Кавказа уточняют теоретический инструментарий для анализа геополитических процессов в постсоветском пространстве.

Практическая значимость исследования состоит в том, что проведенный анализ внешней политики Турции в отношении стран Южного Кавказа может быть использован в качестве отправной точки для дальнейших, более углубленных исследований частных аспектов международных отношений в регионе. Кроме того, материалы диссертации могут быть использованы при написании учебных пособий, а также служить материалом для лекционных занятий по дисциплинам «Политология», «Международные отношения», «Международная безопасность» и т.д. Выводы и положения, приводимые в диссертации, могут быть полезны работникам дипломатической службы Российской Федерации при выстраивании отношений с Турцией и странами Южного Кавказа, экспертному сообществу при разработке и реализации предложений в области укрепления региональной безопасности.

Теоретико-методологическая основа исследования носит комплексный характер и основывается на сочетании различных подходов и методов исследования, что обусловлено сложностью и многоаспектностью изучаемого предмета.

Политический реализм (классический реализм) в интерпретации Ганса Моргентау позволил рассматривать внешнюю политику Турции через призму национальных интересов, определяемых в терминах силы и власти. Согласно Моргентау, государства в международной системе руководствуются, прежде

всего, соображениями силы и стремлением к максимизации власти. Данный подход был особенно важен при анализе мотивов турецкой политики в отношении Азербайджана и оценке стремления Анкары к региональному доминированию на Южном Кавказе.

Неореализм (структурный реализм) Кеннета Уолтца дополнил классический реализм акцентом на структуре международной системы как определяющем факторе поведения государств. К. Уолтц показал, что анархичная структура международной системы принуждает государства к самопомощи и балансированию сил. Этот подход оказался крайне полезным при анализе конкурентного взаимодействия Турции с другими региональными державами (Россией, Ираном) и объяснении логики создания турецко-азербайджанского стратегического альянса как формы балансирования против российского влияния в регионе.

Системный подход дал возможность рассмотреть внешнюю политику Турции как целостный комплекс взаимосвязанных элементов, где действия в отношении одной страны региона неизбежно влияют на отношения с другими. На основе этого подхода были выявлены системные характеристики турецкой политики в регионе, включая механизмы принятия внешнеполитических решений и их имплементации.

Конструктивистский подход позволил проанализировать идеологические основы внешней политики Турции, в частности, при изучении трансформации пантюркистских идей и их влияния на современную турецкую внешнеполитическую стратегию в регионе. Этот подход был особенно полезен при анализе концепции «два государства – одна нация» в турецко-азербайджанских отношениях и исследовании роли идентичности в региональной политике Турции.

Институциональный подход применялся при изучении взаимодействия Турции со странами Южного Кавказа в рамках международных организаций, особенно в контексте деятельности Организации тюркских государств. Данный

подход помог выявить формальные и неформальные механизмы турецкого влияния в регионе.

Функциональный подход способствовал выявлению взаимосвязей между различными аспектами турецкой внешней политики в регионе – от экономического сотрудничества до военно-политического взаимодействия. Это позволило определить, как различные направления внешней политики Турции взаимно усиливают друг друга.

Сравнительный подход дал возможность сопоставить подходы Турции к выстраиванию отношений с различными странами Южного Кавказа, выявить общие и особенные черты в этих подходах. Также метод использовался для сравнения политики Турции с политикой других региональных акторов (России, Ирана).

Исторический подход способствовал исследованию эволюции турецкой внешней политики в регионе, определению преемственности и изменений во внешнеполитических концепциях от кемализма к неоосманизму.

В работе были использованы следующие **методы** исследования:

Метод ивент-анализа использовался для того, чтобы систематизировать и интерпретировать политические события и процессы в регионе Южного Кавказа, выявить причинно-следственные связи между действиями Турции и изменениями в региональной динамике.

Метод контент-анализа применялся при изучении официальных документов и материалов СМИ, что позволило выявить ключевые направления и приоритеты турецкой внешней политики в регионе. Особое внимание уделялось анализу предвыборных программ Партии справедливости и развития (ПСР) и стратегических документов МИД Турции.

Метод дискурс-анализа позволил изучить риторику турецких политических лидеров и официальных документов для выявления нюансов в позиционировании Турции по отношению к разным странам региона и эволюции этой риторики во времени.

Метод анализа статистических данных позволил оценить динамику экономического и военно-технического сотрудничества Турции со странами региона, выявить основные тренды в развитии двусторонних отношений.

Комплексное применение указанных подходов и методов позволило провести всестороннее исследование внешней политики Турции на Южном Кавказе, выявить её основные характеристики, проблемы и перспективы развития. Междисциплинарный характер исследования обусловил необходимость привлечения методов смежных наук – экономики, истории, социологии, что способствовало более глубокому пониманию изучаемой проблематики.

Эмпирическую и нормативную основу исследования составило несколько групп источников. Во-первых, это нормативно-правовые акты Турецкой Республики, а также акты государственных органов стран Южного Кавказа (Конституции, законы, подзаконные акты). Во-вторых, это ключевые документы, определяющие стратегические направления и идеологические основы внешней политики Турции – предвыборные программы Партии справедливости и развития (ПСР), отчеты, стратегические планы и иные материалы МИД Турции. В-третьих, это международные соглашения между Турцией и государствами Южного Кавказа (как друг с другом, так и между собой), а также прочие международные документы, регулирующие различные аспекты заявленной темы. В-четвертых, это заявления и пресс-релизы турецких государственных органов, выступления должностных лиц Турции, а также представителей международных организаций и стран Южного Кавказа. В-пятых, в работе были использованы материалы турецких, российских, грузинских, армянских, азербайджанских СМИ, англоязычные материалы мировой прессы, посвященные различным аспектам внешней политики Турции в странах Южного Кавказа. В-шестых, использовались статистические данные государственных и неправительственных организаций, международных институтов, а также экспертные мнения и оценки.

Положения, выносимые на защиту:

1. Пантюркизм, пантуранизм и неоосманизм представляют собой взаимосвязанные, но различающиеся идеологические течения, формирующие внешнеполитическую стратегию Турции. *Пантюркизм* направлен на культурное и политическое объединение тюркских народов под лидерством Турции. *Пантуранизм* расширяет эту концепцию до включения уральских и алтайских народов. *Неоосманизм* опирается на имперское наследие и стремится к возрождению влияния Турции на территориях бывшей Османской империи, сочетая этнический, религиозный и геополитический подходы. Эти идеологии *объединяет* стремление к региональному лидерству Турции, но они *различаются* объектом интеграции: *пантюркизм* фокусируется на этнолингвистической общности, *неоосманизм* – на историко-политическом наследии, а *пантуранизм* предлагает наиболее широкую, но наименее реалистичную концепцию интеграции - объединение всех уральских и алтайских народов на основе предполагаемого общего происхождения.

2. Современная внешняя политика Турции представляет собой синтез идей неоосманизма и пантюркизма, трансформированных в концепции «стратегической глубины» и «Век Турции». Развитие неоосманского мировоззрения достигло новой волны своего развития с приходом к власти Партии справедливости и развития в 2002 году. Концепция А. Давутоглу «Стратегическая глубина» заложила основу многовекторной внешней политики, опирающейся на историческое и географическое положение Турции. Первоначальный принцип «ноль проблем с соседями» эволюционировал в сторону более активной, экспансионистской политики. Нынешняя концепция «Век Турции» представляет собой амбициозный план превращения Турции в глобального актора и региональную державу, воплощающий проактивную внешнеполитическую доктрину неоосманизма с элементами антизападничества и утверждения лидирующей роли Турции в исламском мире.

3. Геополитические интересы Турции на Южном Кавказе определяются комплексом политических, экономических

и социокультурных факторов. С точки зрения *геополитики* данный регион рассматривается как стратегический транзитный коридор и буферная зона. Южный Кавказ имеет для Турции стратегическое значение как связующее звено с тюркоязычным миром Центральной Азии и важнейший транспортно-энергетический коридор в обход России. *Экономические интересы* Турции сосредоточены на контроле энергетических и транспортных маршрутов, особенно трубопроводов из Каспийского региона. *Социокультурные интересы* проявляются в продвижении турецкого влияния через культурные, образовательные и религиозные программы, способствующие интеграции региона в «тюркский мир». С точки зрения *безопасности* регион Южного Кавказа важен для Турции как фактор стабильности на собственных границах и как пространство конкуренции с Россией и Ираном.

4. Турция использует комплекс инструментов реализации политики создания «тюркского мира» на Южном Кавказе, среди которых особое значение имеют: институционализация интеграционных процессов; экономическая интеграция; культурно-лингвистическая экспансия. Выявлена корреляция между интенсивностью применения данных инструментов и степенью культурно-исторической близости стран региона к Турции, достигающая максимума в отношениях с Азербайджаном и минимума в отношениях с Арменией.

5. Отношения Турции с Азербайджаном представляют собой наиболее успешную реализацию идеологий пантюркизма и неоосманизма, выраженную в формуле «одна нация – два государства». Азербайджан является для Турции приоритетным партнером в регионе благодаря этнической, культурной и религиозной близости. *Пантюркистская составляющая* этих отношений проявляется в активном развитии культурных связей, продвижении общей идентичности и образовательных обменов. *Элементы неоосманизма* выражаются в экономической и военно-политической поддержке Азербайджана, особенно в Карабахском конфликте. Стратегическое партнерство подкреплено

совместными энергетическими проектами, формированием единой оборонной политики и общими направлениями Шушинской декларации 2021 г.

6. Внешняя политика Турции в отношении Грузии представляет собой прагматичную адаптацию неоосманизма, где исторические и религиозные аспекты уступают место геэкономическим интересам. Грузия рассматривается Турцией, прежде всего, как важнейший транзитный коридор для доступа к Азербайджану и Центральной Азии. *Неоосманистский* компонент политики проявляется в стремлении Турции играть роль политического арбитра, поддерживать историческое влияние в Аджарии и развивать культурно-религиозные связи. В отношениях с Грузией Турция делает *акцент на взаимовыгодном региональном сотрудничестве и общих интересах* в сфере энергетики и транспорта.

7. Армянский фактор представляет собой наиболее сложный аспект неоосманистской политики Турции в регионе, характеризующийся историческими противоречиями и геополитической конкуренцией. Отношения Турции с Арменией осложняются двумя фундаментальными проблемами: непризнанием Турцией геноцида армян 1915 г. и поддержкой Азербайджана в карабахском конфликте. Несмотря на прагматические попытки нормализации отношений, исторические травмы и региональная конфигурация препятствуют существенному прогрессу. В контексте политики *неоосманизма* Армения рассматривается как потенциальное звено в построении региональной стабильности, однако реализация этой политики сталкивается с серьезными препятствиями. Турция стремится привлечь Армению к региональным проектам, но делает это с позиции давления и использования ослабленного положения Армении после поражения в Карабахском конфликте.

8. Политика Турции на Южном Кавказе демонстрирует дифференцированный подход к применению концепций неоосманизма и пантюркизма, адаптированный к специфике каждой страны региона. *Общими* элементами внешней политики Турции по отношению к странам Южного Кавказа являются: стремление к региональному лидерству,

использование энергетической дипломатии, транспортно-логистических проектов и инструментов «мягкой силы». *Различия* проявляются в интенсивности применения военно-политических, экономических и культурных механизмов влияния, а также в риторике, которая варьируется от *братских отношений с Азербайджаном* до *прагматичного партнерства с Грузией* и *сдержанной нормализации с Арменией*.

Апробация результатов исследования. Результаты исследования были апробированы в ходе выступлений и докладов автора в рамках международных и российских научно-практических конференций и круглых столов.³⁴

Содержание и основные положения диссертационного исследования отражены в 4 статьях, опубликованных в рецензируемых научных изданиях, необходимых для защиты в диссертационном совете МГУ по специальности и отрасли наук, а также в 2 статьях, опубликованных в журналах Перечня ВАК.

По **структуре** настоящая работа состоит из введения, трех глав, заключения, библиографии, включающей 231 наименование, а также 4 приложений. Главы включают в себя 10 параграфов, в каждом из которых решается одна из поставленных задач.

³⁴ Налбандян К.С. Организация тюркских государств как инструмент усиления международного влияния Турции. (Гибридный формат) // VI Чемпаловские Чтения Международная научная конференция «Проблемы, вызовы и перспективы глобального и регионального развития», Екатеринбург, 26-28 октября 2023 г.; Налбандян К.С. Эволюция и особенности взаимодействия Турции и стран Южного Кавказа на современном этапе в контексте геополитики // Международный научный конгресс «Глобалистика-2023; устойчивое развитие в контексте глобальных процессов»: Сборник тезисов докладов, Москва, 23-27 октября 2023; Налбандян К.С. Позиции Исламской Республики Иран в отношениях с Арменией и Азербайджаном, «Зангезурский коридор» как краеугольный камень // Отдел Ближнего и Постсоветского Востока ИНИОН РАН научная конференция «Исламская Республика Иран в эпоху глобальных трансформаций», Москва, 19 марта 2024.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении диссертационного исследования обоснована актуальность темы, раскрыта степень ее научной разработанности, поставлена цель и задачи, определены объект и предмет исследования, обозначена методология и методы исследования, теоретическая основа и эмпирическая основа исследования, раскрыта научная новизна, обозначены основные результаты исследования и положения, выносимые на защиту, выявлена теоретическая и практическая значимость исследования, приведены сведения о его апробации и степень достоверности результатов.

В первой главе работы **«Концептуальные и идеологические основы внешней политики Турции на современном этапе: теоретико-методологические аспекты исследования»** рассматриваются теоретико-методологические, а также исторические аспекты исследуемой темы, определяются базовые понятия и категории.

Так, в первом параграфе *«Идеология пантюркизма и отражение ее основных целей и положений во внешней политике страны»* делается вывод о том, что идеология пантюркизма была разработана совместно европейскими и тюркскими деятелями, основываясь на националистических идейных наработках, популярных на рубеже XIX и XX веков.

Ее появлению способствовали как внутренние (поиск национальной идентичности турецкого населения на фоне роста национализма среди меньшинств Османской империи, ориентация на европейские национальные идеологии), так и внешние факторы (инспирирование странами Европы турецкого экспансионизма под предлогом защиты тюркского населения Российской Империи, националистические настроения тюркских народов, проживающих за пределами Османской империи).

Пантюркизм на рубеже XIX и XX века представлял собой характерную для того времени светскую националистическую идеологию. Ряд европейских стран поддерживали Турцию в реализации ее планов, поскольку распространение

пантюркизма могло ослабить сначала Российскую империю, а потом и Советский союз. В историческом плане пантюркизм как идеология и основанное на ней политическое движение имел своей целью смену государственного строя Османской империи в пользу национального государства, а также разжигание сепаратистских настроений в регионах на территории других стран, где компактно проживало тюркоязычное население.

Сегодня цели пантюркизма напрямую не связаны с посягательством на суверенитет других государств: вместо этого Турция использует «общественную дипломатию» и экономические связи для более тесного взаимодействия с тюркскими государствами и тюркоязычными народами на территории других государств.

Во втором параграфе *«Кемалистская внешнеполитическая доктрина и причины ее трансформации»* констатируется, что кемализм стал своего рода выходом из кризиса, сложившегося в турецком обществе на фоне поражения в Первой мировой войне и распада Османской империи. Ориентация на внутреннее развитие, которое могло быть обеспечено только в условиях устойчивого мира и всестороннего развития конструктивных отношений с другими странами, стала главной идейной основой кемализма, объединяющей в себе как внутри-, так и внешнеполитические компоненты. Воспринятые внутри страны шесть принципов М.К. Ататюрка («шесть стрел») (республиканизм, национализм, народность, секулярность, этатизм, революционность) требовали аналогичного изменения и внешней политики.

В числе основных элементов внешнеполитической идеологии кемализма были выделены: выстраивание конструктивных отношений с бывшими противниками; отказ от экспансионизма и реваншизма; снижение роли военной силы и более активное использование дипломатии для достижения внешнеполитических целей; опора на взаимодействие с международными институтами; стремление выстраивать баланс во взаимоотношении с разными государствами на основе многовекторного подхода. Эти принципы позволили Турции устойчиво развиваться в различных условиях. Однако к концу 1980-х гг.

кемализм уже не отвечал запросам турецкого общества. Главными причинами стали: рост политического влияния национального капитала, ориентированного на экспансию внешних рынков в лице мусульманских стран Ближнего Востока и Центральной Азии; кризис в отношениях с Западом, который был основным направлением внешнеполитических усилий кемалистского правительства; рост реваншистских настроений в турецком обществе; стремление сблизиться со странами, близкими Турции в этническом, религиозном и культурном плане. Эти предпосылки в совокупности привели к росту популярности политических сил, чья внешнеполитическая идеология опиралась на конструкты XIX века – пантюркизм и (нео)османизм – и в итоге, к победе этих политических сил на выборах.

Третий параграф *«Основные идеологемы внешней политики Турции в XXI веке»* посвящен оценке идеологического компонента современной внешнеполитической линии турецкого государства. Здесь установлено, что основными факторами формирования турецкой внешней политики в XXI веке стал приход на смену кемализму концепции неоосманизма, которая является довольно мозаичной и состоит из плохо совместимых элементов.

Так, за время правления ПСР произошло практически полное преобразование политических принципов М.К. Ататюрка: светскость как основа государственности сменилась умеренным исламистским поворотом; этатизм ушел в прошлое; был осуществлен переход от парламентской к парламентско-президентской форме правления; принцип неделимости больше не находит широкой поддержки населения; открыто высказываются суждения о возможности перехода к федеративному территориальному устройству.

Что касается внешнеполитической сферы, то здесь также можно выявить отход от политики мирного курса внешней политики. Внешняя политика Турции в период правления ПСР в большей степени стала ориентироваться на экспансионизм. Турция с приходом к власти ПСР стала активно выдвигать свои претензии на глобальное политическое влияние.

В настоящее время основным постулатом ПСР в сфере внешней политики является необходимость проведения активного самостоятельного внешнеполитического курса, направленного, прежде всего, на разрешение вопросов регионального значения, а также формирование собственной геополитической повестки в масштабе всего мира посредством реализации независимой экономической политики и активного политического взаимодействия со странами разных регионов. Это, по убеждению турецкого правительства, должно содействовать построению многополярного мира.

Идеологические предпочтения турецкого правительства и внешнеполитическая доктрина Давутоглу («Стратегическая глубина») по-прежнему являются важными факторами, определяющими содержание внешней политики, а пантюркизм и неоосманизм остаются идеологическим базисом, своего рода стратегическим императивом внешнеполитической деятельности Анкары.

В четвертом параграфе *«Концептуальные и практические аспекты внешнеполитического курса Турции на современном этапе»* делается вывод, что в период правления ПСР основные направления внешней политики Турции подвергались неоднократным изменениям: от доктрины «Ноль проблем с соседями» до экспансионистских претензий на трансрегиональное лидерство и защиты общечеловеческих ценностей в их турецкой трактовке с активным использованием механизмов «мягкой силы».

По мере укрепления позиций правящей партии и лично президента Турции Р.Т. Эрдогана экспансионизм становится все более заметной чертой турецкой внешней политики, которая не теряет актуальности даже в непростых экономических условиях, вызванных последствиями пандемии COVID-19 и сложившимся на сегодняшний день кризисом европейской безопасности.

В институциональном механизме внешней политики Турции основную роль играют президент, премьер-министр и ключевые министерства. Важное значение имеет дипломатическая служба и субъекты публичной дипломатии, реализующие «мягкую силу». Политические партии участвуют

во внешнеполитическом процессе, но их деятельность персонализирована вокруг лидеров. На формирование внешней политики также влияют аналитические центры, НКО, крупные экономические кланы и религиозные группы, а также генералитет (однако реальные полномочия военных существенно урезаны благодаря активной политике ПСР по превращению военных из субъекта в объект политики).

Вторая глава, **«Реализация внешнеполитической идеологии Турции в отношении стран Южного Кавказа»**, посвящена оценке того, как внешнеполитическая идеология Турции применяется к исследуемому региону – Южному Кавказу. Акцент делается именно на всем регионе, а не на конкретных закавказских государствах.

Так, в первом параграфе *«Геополитические интересы Турции на Южном Кавказе»* установлено, что Южный Кавказ сегодня имеет важное геополитическое и геоэкономическое значение, которое предопределяется его географическим расположением, особенностями государственного устройства, природно-климатическими факторами, этнорелигиозным составом. Государственность на данной территории возникла после распада СССР, что предопределяет «вакуум силы» в регионе. Он становится пространством для конкуренции как ближайших соседей (Россия, Турция, Иран), так и глобальных игроков (США, Китай, ЕС). Балансируя между Востоком и Западом, Севером и Югом, Закавказье остается пространством нестабильности, где уже более тридцати лет продолжаются конфликты, имеющие этнический и религиозный характер. Эти конфликты являются вполне естественными угрозами безопасности, сказывающимися на транспортных и логистических путях – т.е. являются рисками для реализации геоэкономического потенциала региона. Аналогичным образом геополитические амбиции держав, традиционно имеющих серьезное влияние на регион (Россия, Турция, Иран) тоже повышают риски возможных противоречий и столкновений интересов, чреватых конфликтами. Южный Кавказ в этом плане традиционно остается нестабильным пространством.

Второй параграф, *«Место и роль стран Южного Кавказа во внешнеполитических приоритетах Турции. Идеология «Кавказского вектора» в турецкой дипломатии»* посвящен анализу внешнеполитических документов Турецкой республики и практической деятельности турецких дипломатов в отношении исследуемого региона. Здесь констатируется, что регион Южного Кавказа Турция сегодня воспринимает крайне важным в рамках своего курса, направленного на доминирование на Большом Ближнем Востоке.

В настоящее время турецкое правительство пытается поддерживать сбалансированные отношения со всеми странами региона, но по многим причинам политика Турции на Южном Кавказе по-прежнему определяется ее отношениями с Азербайджаном, который является основным союзником и экономическим партнером Анкары. Отношения стратегического партнерства здесь вполне укладываются в логику пантюркизма: турецкое правительство заинтересовано в бесконфликтных и максимально тесных взаимосвязях с родственным в этнорелигиозном и культурном плане Азербайджаном.

Также конструктивные и взаимовыгодные отношения экономического (и, до недавнего прошлого, военно-политического) характера сложились в отношениях Турции и Грузии. Через грузинскую территорию Турция реализует стратегически важные для своей экономики транспортно-логистические проекты в области энергетики.

Отношения с Арменией остаются замороженными, несмотря на попытки их «перезагрузки» в начале 2010-х гг. Сложности здесь определяются конфликтом в Нагорном Карабахе, где Турция как дипломатически, так и в военном плане поддерживает Азербайджан в его стремлении к восстановлению территориальной целостности.

В рамках третьего параграфа *«Политика интеграции тюркоязычных народов и создания «тюркского мира» в регионе Южного Кавказа»* констатируются систематические усилия Турции по превращению во влиятельную региональную державу, с опорой на тюркские государства с использованием политики неопантюркизма и неоосманизма. Тюркские страны в

постсоветском регионе являются особенно важными для Турции, поскольку на данном пространстве она может предложить свои проекты интеграции, альтернативные российским и китайским. Данные проекты основаны на идеях неопантюркизма и неоосманизма и опираются на чувство общности, культурные и лингвистические связи.

Хотя роль концепции мягкой силы во внешней политике Турции занимает важную роль, власти также не забывают о применении жесткой силы, что в целом позволяет эффективно комбинировать данные инструменты в достижении собственных целей. Более того, с 2013 г. во внешней политике Турции явно преобладают «жесткие» элементы, поскольку амбициозная цель региональной гегемонии при нынешнем количестве ресурсов не может быть достигнута Анкарой только лишь за счет «мягкого воздействия» на другие страны. Однако этот тезис в большей степени применим к политике Турции на Ближнем Востоке и Африке к югу от Сахары. Что же касается Южного Кавказа, то здесь, несмотря на меньшую влияние и меньшие финансовые ресурсы, чем у других региональных акторов, Турция наглядно демонстрирует языковую и этнокультурную близость к тюркоязычным народам, а также доказывает свою надёжность как партнера и в какой-то мере «старшего брата». Наиболее ярко этот статус раскрывается в отношениях с Азербайджаном.

Третья глава исследования, **«Политика Турции в регионе Южного Кавказа: цели, задачи и стратегия»**, посвящена анализу международных отношений Турции с тремя странами исследуемого региона – Азербайджаном, Грузией и Арменией. Акцент делается на оценке соответствия этих отношений как выделенным ранее «общим» идеологическим компонентам внешней политики Турции, так и непосредственно «кавказскому вектору» этой политики.

В рамках первого параграфа, *«Политика Турции по отношению к Азербайджану. Роль и место Азербайджана в контексте политики неоосманизма»* доказывается, что благодаря культурно-исторической общности, а также общим исламским ценностям и этническим связям Азербайджан является для Турции наиболее привлекательной страной региона в контексте

реализации политики неоосманизма. Турция и Азербайджан активно взаимодействуют не только на государственном уровне, но и на уровне общества. В силу религиозной культурной и языковой близости между турками и азербайджанцами последние тесно интернированы в турецкое общество. Это открывает широкие перспективы для диалога во всех сферах, а также для реализации политики мягкой силы по продвижению идей единства тюркского мира.

Близость и дружественные отношения с Азербайджаном открывают для Турции и другую возможность: использовать симпатизирующий ценностям Турции Азербайджан как своеобразный «испытательный полигон» для совершенствования инструментов неоосманистской политики, параллельно усиливая свои позиции за счет сотрудничества.

То, что в рамках региона Южного Кавказа Турция делает значимую ставку именно на Азербайджан, подтверждается, в частности, тем фактом, что Турция неизменно и решительно отстаивала позицию Азербайджана относительно Нагорного Карабаха.

Значимость сотрудничества с Азербайджаном, помимо исторических и культурно-религиозных предпосылок, делающих его важнейшим союзником в рамках политики неоосманизма, определяется также экономической целесообразностью. Это обусловлено богатыми природными ресурсами Азербайджана и Каспийского моря. Более того, возможность доступа к каспийской нефти для Турции это как расширение собственного энергетического сектора, так и открытие доступа к прямым инвестициям в перспективные нефтяные месторождения в ближайшем регионе. На значение сотрудничества в энергетической сфере влияет и тот факт, что Азербайджан с его природными ресурсами в определенном смысле выступает конкурентом России на мировом рынке. Укрепляя связи с Азербайджаном, Турция, таким образом, укрепляет свою энергетическую безопасность и геополитические позиции.

Экономическое и социальное сотрудничество государств в целом неуклонно развивается не только в энергетике, но и в таких секторах, как

транспорт, машиностроение, легкая промышленность, фармацевтика, здравоохранение, образование. Особо следует отметить военное сотрудничество сторон: Турция всемерно поддерживает Азербайджан по вопросу его вступления в НАТО, помогая привести вооруженные силы Азербайджана к соответствующим стандартам. На высоком уровне находятся также культурно-религиозные связи.

В то же время, интересы Турции в Азербайджане зачастую вступают в противоречие с интересами России и западных акторов. Кроме того, предстоит решить ряд проблемных вопросов не только с ними, но и с соседями по закавказскому региону, остающихся актуальными после упразднения Нагорного Карабаха, а также связанных с развитием старых и созданием новых транспортных и энергетических коридоров.

Во втором параграфе, *«Политика Турции по отношению к Грузии: некоторые формы и направления реализации политики неоосманизма»* установлено, что турки и грузины имеют длительную историю взаимного сосуществования, осложненную несколькими конфликтами. Османская империя долгое время доминировала на части нынешней территории Грузии, в частности в провинции Аджария, которая была исламизирована в 16 веке. Несмотря на сложное общее прошлое, обретение Грузией независимости в 1991 году позволило наладить хорошие отношения между Анкарой и Тбилиси.

У турецкого правительства имелось два основных мотива для построения именно таких отношений с новообразованным государством.

Во-первых, для Турции территория Грузии является входным коридором на Кавказ и в Центральную Азию, а также «тюркский мир» за пределами Каспийского моря. Во-вторых, Грузия имеет фундаментальное значение для Турции, поскольку углеводороды Каспийского моря из Азербайджана проходят через грузинскую территорию, прежде чем попадают в турецкие порты и оттуда — на мировые рынки.

В свою очередь, грузинское правительство тоже объективно заинтересовано в поддержании конструктивных и партнерских отношений с

Турцией. Во-первых, для Грузии это своего рода «окно в Европу: переговоры Турции о вступлении в ЕС имеют большое значение для Тбилиси, поскольку он стремится выйти за пределы своего кавказского анклава. Впрочем, после 2014 г. ввиду осложнения отношений Турции с западным миром влияние этого фактора турецко-грузинских отношений несколько минимизировалось. Во-вторых, в контексте напряженности в отношениях с Россией, Грузия нуждается в Турции как в «балансирующей силе».

Помимо уже упомянутой роли Грузии в реализации важных для Турции транспортно-логистических и энергетических проектов, долгое время между Анкарой и Тбилиси развивались отношения военно-политического сотрудничества. Так, в 1994 году Грузия присоединилась к программе НАТО «Партнерство ради мира». В марте 1997 г. было подписано следующее соглашение – о военной помощи и сотрудничестве. В рамках соглашения планировалось создание военных учебных центров в Кодори и Гори, также Турция поддержала Грузию в восстановлении военной базы в Вазияни. В апреле 1998 г. был подписан меморандум о сотрудничестве и взаимном согласии в военной сфере, Турция обязывалась оказывать поддержку в процессе подготовки кадров и в материально-техническую помощь. В этом же году Анкара выделила 5,5 млн долларов на модернизацию военных объектов и финансирование грузинской армии. Также грузинские офицеры могли обучаться в турецких военных заведениях.

С 2011 г. в результате «арабской весны» приоритет кавказского направления был понижен, а внешнеполитическая турецкая активность сместилась на Ближний Восток. Это подтверждается и географией зарубежных визитов Эрдогана: с 2012 г. турецкий лидер ни разу не посетил Грузию. Также некоторому охлаждению грузино-турецких отношений способствовала внутривнутриполитическая ситуация в Грузии, где в октябре 2012 г. на парламентских выборах победила оппозиционная коалиция «Грузинская мечта». Новые власти стремились снизить экономическую и энергетическую

зависимость от Турции, отказавшись от антироссийской риторики и активизировав отношения с Арменией и Ираном.

Впрочем, несмотря на попытки нового грузинского руководства диверсифицировать внешнюю политику страны, Турция до сих пор осталась ключевым военным и экономическим партнером, а двусторонние отношения были неоднократно подтверждены визитами грузинских политиков в Турцию.

При этом, в целом позитивные отношения между Турцией и Грузией иногда сталкиваются с периодами напряженности. Этому способствуют несколько факторов. Один из них – активность абхазского меньшинства в Турции, поскольку Тбилиси не признает независимость Абхазии и негативно относится к коммерческим связям между турецкими предпринимателями и абхазским правительством. Другой фактор напряженности – это риски религиозных конфликтов. Грузинская церковь, политическая роль которой в последнее десятилетие возросла, не одобряет религиозную активность турецких групп на своей территории, в частности в регионе Аджария.

Третий параграф, *«Политика Турции по отношению к Армении. Армянский фактор в реализации политики неоосманизма в регионе Южного Кавказа»* посвящен оценке отношений Турции с самой «проблемной» для нее страной региона – Арменией. Здесь установлено, что, как и другие страны исследуемого региона, Армения является одним из адресатов неоосманистской политики Анкары и, несмотря на сложности в отношениях государств, Турция демонстрирует заинтересованность в сближении. Турция стремится привлечь Армению к сотрудничеству по развитию логистической инфраструктуры Среднего коридора. Также неоосманистские амбиции Турции по интеграции регионов Южного Кавказа и Средней Азии для создания экономического и военно-политического союза, в котором Турция будет выполнять роль лидера предполагают необходимость стабилизации отношений в регионе и вовлечение Армении. Установление отношений между Турцией и Арменией позволит ограничить российскую сферу влияния на восточном фланге НАТО путем создания прямых связей между двумя странами. С учетом амбиций Турции в

регионе, где она готова соревноваться с Китаем, Россией и ЕС за влияние сближение с Арменией также является важным приоритетом.

При этом неоосманистская политика в отношении Армении имеет существенную специфику в связи с напряженностью отношений между странами. Ключевыми факторами, вызывающими эту напряженность, являются, во-первых, последовательная поддержка Турцией Азербайджана в конфликте вокруг Нагорного Карабаха, и, во-вторых, сложная история отношений Турции с армянским народом и отказ на современном этапе признать Геноцид Армян. В этих условиях армянам трудно преподнести идеи неоосманизма как привлекательные перспективы развития истории. Это осложняет реализацию методов мягкой силы и работу с обществом. Представляется маловероятным, что Турция сможет представить Армении столь же интенсивную поддержку, как исторически, культурно-религиозно и этнически близкому, богатому ресурсами Азербайджану.

Еще одна сложность состоит в существенном влиянии армянских диаспор на внешнюю политику страны. Они не только служат лоббированию политических интересов Армении, но и во-многом влияют на позиции страны по вопросам внешнеполитических отношений. При этом позиции представителей диаспор, живущих в других странах, отличаются большей непримиримостью к Турции в отличие от взглядов жителей Армении, которые более чувствительны к прагматичным аспектам перспективы сближения с Турцией, таким как возможность торговли, развития логистических связей, легализации трудовой миграции, получения поддержки в решении социально-экономических сложностей и пр.

Эти факторы обуславливают то, что в попытках выстраивания отношений с Арменией, Турция делает основной акцент на прагматичных аспектах и выгодах сотрудничества. Данный подход проявляется, в частности, в том, что Турция готова делать активные шаги к сближению в моменты ослабления позиций Армении (например, после вынужденных уступок Азербайджану в

Карабахском конфликте), когда вопросы обеспечения стабильности приобретают большую актуальность.

На сегодняшний день дипломатических отношений между государствами нет, а границы заблокированы со стороны Турции. Однако фактически между странами осуществляется товарооборот и трудовая миграция. Государства не раз предпринимали попытки для урегулирования отношений, при этом одним из ключевых тормозящих факторов выступал конфликт в Нагорном Карабахе, который в сентябре 2023 г. привел к утрате независимости НКР и переходу контроля над данной территорией Азербайджану (что, по утверждению властей Армении, сопровождалось масштабными этническими чистками армянского населения Арцаха). Несмотря на то, что конфликт пока вряд ли можно назвать завершенным, наступивший «момент определенности» со статусом Нагорного Карабаха может быть использован для последующей нормализации отношений Армении и Турции. Впрочем, необходимым условием для этого видится полноценная реализация прав армянского населения в Карабахе под юрисдикцией Азербайджана, решение вопроса с вынужденными переселенцами, массово покинувшими территорию непризнанной республики вследствие экспансии азербайджанских вооруженных сил.

Доказывается, что для Турции нормализация отношений с Арменией могла бы стать также позитивным вкладом в имидж на международной арене, на фоне ее довольно агрессивной внешней политики последних лет. Для Армении, в свою очередь официальные отношения с Турцией и открытие границы позволят уменьшить зависимость от России.

В **заключении** работы подводятся основные выводы и формулируются обобщения по каждому из параграфов работы, которые являются ответами на поставленные задачи:

1. Современная внешняя политика Турции базируется на идеях пантюркизма и неоосманизма, ориентирована не только на развитие экономического сотрудничества, но и на распространение своей культуры и усиление политического влияния;

2. С момента создания национального турецкого государства ключевое влияние на внешнюю политику оказывала идеология кемализма, однако к XXI веку, в связи с расцветом «политического ислама» начала осуществляться ревизия наследия М.К. Ататюрка;
 3. Ключевыми факторами формирования турецкой внешней политики в XXI веке стали кризис кемализма и приход ему на смену новой концепции неоосманизма, а основным внешнеполитическим постулатом Партии справедливости и развития стала самостоятельность ее курса;
 4. В механизме реализации внешней политики Турции основную роль играют премьер-министр и президент, ключевые министерства и ведомства, важное место занимают партии, аналитические центры, НКО, экономические кланы, религиозные группы, отчасти генералитет, широко развита публичная дипломатия;
 5. Южный Кавказ имеет важное геополитическое и геоэкономическое значение, однако традиционно остается нестабильным пространством для конкуренции как региональных соседей (Россия, Турция, Иран), так и глобальных игроков (США, Китай, ЕС);
 6. В настоящее время Турция пытается поддерживать сбалансированные отношения со всеми странами региона в духе пантюркизма, считая государства Южного Кавказа первостепенными в рамках своего внешнеполитического курса;
 7. Турцией прилагаются систематические усилия по превращению во влиятельную региональную державу с применением принципов как мягкой (Южный Кавказ), так и жесткой (Ближний Восток, Африка) силы и с использованием политики пантюркизма и неоосманизма;
 8. Активно развивается международное сотрудничество Турции со странами Южного Кавказа: наиболее прочные связи установлены с Азербайджаном как верным союзником; тесные партнерские отношения налажены с Грузией; предпринимаются серьезные шаги к сближению с Арменией.
- Таким образом, в совокупности констатируется, что цель исследования достигнута, поскольку все задачи были успешно решены.

III. ПУБЛИКАЦИИ ПО ТЕМЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Основные результаты, положения и выводы диссертации опубликованы в следующих работах автора общим объемом 5,1 п.л.:

Статьи в рецензируемых научных изданиях, необходимых для защиты в диссертационном совете МГУ по специальности и отрасли наук:

1. Налбандян К.С. Особенности политики мягкой силы Турции в Тюркском мире // Информационные войны. 2023. №1(65). С. 28-31. (0,5 п.л.)
Импакт-фактор (РИНЦ) – 0,188. (EDN: dmomg)
2. Налбандян К.С. Политическое влияние Турции на Южном Кавказе»// Вопросы политологии. 2023. Т. 13. № 6 (94). С. 3107-3119. (1 п.л.) Импакт-фактор (РИНЦ) – 0,739. (EDN: hdjjnz)
3. Налбандян К.С. Организация Тюркских Государств как инструмент усиления международного влияния Турции // Вопросы национальных и федеративных отношений. – 2023. – Т. 13. № 6 (99). – С. 2676-2688. (0,9 п.л.)
Импакт-фактор (РИНЦ) – 0,622. (EDN: bkazcu)
4. Налбандян К.С. Турецко-азербайджанские отношения в грядущий «Век Турции» // Вопросы политологии. – 2024. – Т.14. №3 (103). – С. 1100-1007. (0,7 п.л.) Импакт-фактор (РИНЦ) – 0,739. (EDN: jawkqe)

Статьи в изданиях, входящих в Перечень ВАК:

5. Налбандян К.С. Турция в регионе Южного Кавказа: диверсификация энергоресурсов и укрепление экономических связей // Социально-гуманитарные знания. – 2025. – №11. – С. 463-469 (0,8 п.л.) Импакт-фактор (РИНЦ) – 0,553.
6. Налбандян К.С. Отношения России и Турции на Южном Кавказе: управляемое соперничество как новая модель взаимодействия // Конфликтология / Nota Bene. – 2025. – № 4. – С. 267-279. (1,2 п.л.) Импакт-фактор (РИНЦ) – 0,439.